

*А. А. Сычев**

ХРИСТИАНСТВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ЦЕРКОВНО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ**

В статье анализируется рецепция христианством концепции прав человека и ключевые вопросы религиозно-правового взаимодействия в ситуации обострения глобальных проблем. Анализ проводится, во-первых, через призму церковно-правовых норм (канонов, посланий и апостольских конституций, социальных концепций) и, во-вторых, с учетом современных процессов проблематизации прав человека. Показаны христианские (в частности, канонические) корни идей достоинства и прав личности, результатом юридизации которых и стала концепция прав человека. Прослежены изменения в отношении церкви к правам человека в их классической трактовке — от жесткой критики к безоговорочной поддержке. Делается вывод о начале второй волны критики прав человека, в ходе которой осуждается избирательность их реализации; дальнейшее сведение этих прав к субъективным желаниям; абстрактность, не принимающая во внимание культурное и национальное своеобразие религиозности.

Ключевые слова: права человека, достоинство личности, христианство, церковь, каноническое право, католичество, православие.

A. A. Sychev

CHRISTIANITY AND HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF ECCLESIASTIC LAW

The article analyzes the dynamics of Christianity's reception of the concept of human rights and the key problems of their interaction in a situation of exacerbation of global problems. The analysis is carried out, firstly, through the prism of canon law norms (canons, epistles and apostolic constitutions, social concepts and compendiums) and, secondly, taking into account contemporary processes of human rights problematization. It is shown that the concept of human rights was the result of legalization of Christian (in particular, canonical) ideas of dignity and individual rights. Changes from harsh criticism to unconditional support

* Сычев Андрей Анатольевич, профессор, Мордовский государственный университет; sychevaa@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44239.

in the attitude of the Church to human rights in their classical interpretation are traced. The conclusion is made about the beginning of the second wave of criticism of human rights, during which selectivity in their implementation; further reduction of these rights to subjective desires; abstractness that does not take into account the cultural and national identity of religiosity are condemned.

Keywords: human rights, individual dignity, Christianity, Church, canon law, Catholicism, Orthodoxy.

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе фундаментом нормативности — как правовой, так и моральной — признается концепция прав человека, согласно которой наличие у каждого человека неотчуждаемых прав: права на жизнь, свободы совести, равенства перед законом и т. д. — считается самоочевидной истиной. В диалоге всех значимых участников социального взаимодействия, включая государство и церковь, постоянно звучат апелляции к правам человека, к достоинству личности как к общепризнанным, абсолютным и нерушимым основаниям демократического миропорядка. Более внимательный взгляд на практику реализации этих прав, однако, демонстрирует, что по поводу их не существует ни полной уверенности, ни всеобщего согласия. По мере обострения глобальных проблем — увеличения количества техногенных и природных катастроф, эпидемий, вооруженных конфликтов — все ярче проявляется хрупкость и эфемерность прав личности, декларативность и противоречивость системы их защиты. Права и свободы, которые еще недавно казались незыблемыми, ограничиваются под предлогами защиты порядка и безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций; на карте мира множатся очаги конфликтов и «серые зоны», где в практике защиты прав населения возникают системные сбои; внимание правозащитной деятельности современных государств не может сфокусироваться на некоторых уязвимых социальных группах (например, беженцах и трудовых мигрантах). Неопределенность, усиливающаяся в связи с этим в современном обществе, требует обращения к различным мнениям о теории и практике реализации прав человека и не в последнюю очередь — к позициям христианских религиозных конфессий.

Идея прав человека является закономерным результатом развития европейской культуры. Она синтезировала в себя многие понятия, первоначально оформившиеся в рамках христианской теологии и религиозной философии: уникальности личности, достоинства человека, свободы совести, социальных прав и т. д. Тем не менее в эпоху Просвещения, когда концепция прав человека стала определять политическую ситуацию в Европе, религия оказалась наиболее последовательным ее оппонентом. По мере расширения сферы прав личности и их признания в качестве каркаса нового миропорядка церковь постепенно переходила от их критики к защите. Наконец, напряженная ситуация XXI века вновь проявила и обострила снятые, казалось бы, противоречия. Эти чередующиеся периоды притяжения и отталкивания демонстрируют сложный и противоречивый характер взаимодействия религиозно-правовой нормативности и положений концепции прав человека. При этом нет сомнений, что нельзя понять тенденции развития христианства без учета идеи прав человека,

так же как и выявить перспективы дальнейшего развития концепции прав человека без обращения к позициям христианских конфессий.

Исследование динамики отношения христианства к правам и достоинству человека проводится на основе анализа нормативных документов различных конфессий: канонов, посланий и апостольских конституций римских пап, социальных концепций католической, протестантских и православных церквей. Поскольку идея прав человека сформировалась в условиях культуры Западной Европы, основное внимание уделяется источникам католической церкви.

Существует обширная литература, посвященная рецепции идеи прав человека в разных конфессиях: католицизме [3; 12; 13; 24; 35], протестантизме [36; 37], православии [1; 7; 8; 19] на разных этапах исторического развития. Настоящее исследование систематизирует эти идеи, во-первых, через призму религиозно-правовых норм и, во-вторых, с учетом современных процессов углубляющейся проблематизации прав человека. В силу обширности проблемы исследование нацелено на выявление общих тенденций взаимодействия религиозных и правовых регуляторов в обозначенном контексте.

К ХРИСТИАНСКИМ ИСТОКАМ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

«Всеобщая декларация прав человека» (1948) начинается со слов о том, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира» [2].

Достоинство изначально определялось положением человека в социальной иерархии или его заслугами. Философия много сделала для того, чтобы расширить круг людей, обладающих достоинством, но только с распространением христианства признание получила идея о том, что достоинством обладает каждый человек, являясь образом и подобием Бога [17]. Достоинство — абсолютная ценность, равная ценности другого.

Равенство людей и недопустимость их дискриминации утверждается в известных словах: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия» [2]. Впервые в истории идея такого радикального эгалитаризма была выражена в Новом Завете, поставившем под сомнение традиционную иерархию, основанную на неравенстве. Для тех, кто «оделся» в нового человека, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем — Христос» (Кол 3:11).

Новый Завет не просто декларировал равенство — он требовал уважать достоинство всех представителей рода человеческого, не исключая самых обездоленных. Иисус оказывал помощь тем, кто находился на самом дне жизни, и призывал всех поступать так же: «...так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40). Такое понимание обязанностей общества, предполагало правомерность претензий людей на получение определенного минимума материальных благ для удовлетворения фундаментальных потребностей — в питании, жилье, лечении.

Христианские конфессии сегодня вполне солидарны в том, что неотъемлемые права личности имеют библейское происхождение. «Социальная

позиция протестантских церквей России» (2003) призывает к защите прав человека и достоинства личности: «В этом заключается суть библейских заповедей: «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:39) и «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Мф. 7:12)» [16]. В обращении «Ecclesia in Europa» (2003) утверждается, что на основе Библии церковь «создала право и, не в последнюю очередь, утвердила достоинство личности как субъекта неотчуждаемых прав» [26]. «Основы социальной концепции РПЦ» (2008) тоже согласны с тем, что «идея таких прав основана на библейском учении о человеке как образе и подобию Божию, как онтологически свободном существе» [14].

Христианство не только сформулировало идеи, заложившие фундамент прав человека, но и придало им соответствующую правовую форму. Так, древние каноны утверждают право всякого человека на жизнь, осуждая убийство (Анكير. 22; Васил. 8, 43, 55, 56; Григ. Нисс. 5), в том числе непреднамеренное (Анكير. 23, Вас. 8, 57, 77). Впервые именно в каноническом корпусе получило защиту право на жизнь с момента зачатия (Анكير. 21; Вас. 2 и 8, Трулл. 92). Каноническому праву присуще резко негативное отношение к любому насилию, в том числе и над теми, кто не принадлежит Церкви (Ап. 27; Двукр. 9). Более того, важнейшим характерным свойством, отличающим его от права государственного, является отсутствие физического принуждения. Российский богослов XIX в. В. Ф. Кипарисов, анализируя древнее церковное право, делает такой вывод: «Церковь соединила необходимый порядок с одной стороны с уважением к правам личности» [8, с. 439]. Это стремление к защите личности оказывало смягчающее влияние и на светское право.

Утверждая присоединение к церкви как добровольный акт, каноническое право защищает свободу совести. Так, священнослужитель должен был удостоверить в том, что оглашенный утвержден в вере и желает быть крещен по убеждению (Лаод. 46). Хотя в истории, конечно, имелись случаи насильственного обращения в христианство, они всегда осуждались как неканонические.

В каноническом корпусе можно обнаружить и зачатки социальных прав. Церковь должна покровительствовать «бедным и простолюдинам или вдовам» и требовать от светской власти содействия в этом (Сард. 7). Каноны требуют уважения к людям с ограниченными возможностями: «Если кто из клира хромоте, или глухому, или слепому, или ногами болезненному посмеется: да будет отлучен» (Ап. 57).

Задолго до эпохи Просвещения, как минимум в XII веке, ведущие западные канонисты (в том числе автор известного декрета Грациан) выдвинули и обосновали положения, которые позже стали основой для теоретических представлений о правах человека. Многие из того, что сегодня понимается как права и свободы человека, получило свое юридическое оформление в каноническом праве. А. Уинрот утверждает:

Грациан сделал с естественным правом следующее: он взял концепцию, существовавшую в римском праве и античной философии, и придал ей новый смысл, заявив, что естественный закон равен воле Бога и что естественный закон, как и воля Бога, неизменен. Таким образом, он обосновал идею о том, что некий

фундаментальный закон всегда остается одним и тем же, а также что он применим ко всем, богатым и бедным, клирикам и мирянам, христианам и нехристианам. Это очень похоже на идею, лежащую в основе современной светской концепции неотъемлемых прав человека [35, р. 12].

Нередко указывается, что именно в каноническом праве возникает понимание, что некоторые права предполагают признание притязаний субъекта на какое-либо благо, т. е. носят субъективный характер. Это вытекает из трактовки достоинства как свободной воли, позволяющей индивиду самостоятельно проводить различия между правильным и неправильным [12].

Кроме того, многие положения прав человека возводятся к протестантизму. Дж. Уитт рассматривает его становление в контексте истории борьбы за личные права и свободы: «Реформация не только заложила основу для религиозных прав человека, но и создала платформу для более широких концепций индивидуальной свободы, которые оказали влияние на политическое развитие Запада» [36, с. 257].

Наконец, Просвещение переработало христианские идеи в концепцию прав человека, заменив божественную природу разумом человека, но не затрагивая содержания этих идей. В этом смысле, согласно Ф. Энгельсу, истоки юридического мировоззрения Нового времени следует искать в христианстве: «Это было теологическое мировоззрение, которому придали светский характер. Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство» [21, с. 496].

БОЖЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН ПРОТИВ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Великая французская революция, следуя идеям европейского Просвещения, объявила своей целью разрушение традиционных устоев, ограничивавших свободу человека. И. Кант подчеркивал, что задача Просвещения состояла «в выходе людей из состояния несовершеннолетия по собственной вине, преимущественно в делах религиозных» [6, с. 34].

В «Декларации прав человека и гражданина», принятой в 1789 году, получила свое нормативное оформление концепция, подготовленная всем предшествовавшим развитием философской и политико-правовой мысли Западной Европы. «Декларация» стала переводом теоретических идей Просвещения на язык правовой практики, своеобразным катехизисом новой секулярной идеологии, поставивший на место Бога Разум, а на место канонического права — права человека. Религиозная общественность предлагала смягчить революционный пафос «Декларации», дополнив ее документом об обязанностях человека и гражданина, но потерпела в этом неудачу.

За принятием «Декларации» последовали изменения в отношении власти к церкви. Согласно «Гражданскому устройству духовенства» от католических священников требовали присяги на верность государству. Неприсягнувшие подверглись гонениям как контрреволюционеры, храмы повсеместно закрывались, а церковная собственность конфисковалась. Христианство заменялось Культom Разума с праздниками и карнавалами, на которых пародировались религиозные обряды и символы, а священнослужителей принуждали публично отречься от религии [29].

В таком историческом контексте права человека воспринимались как радикальное опровержение христианской традиции с позиций атеизма, материализма, либерализма, индивидуализма и т. д. Папа Пий VI в бреве «*Quod aliquantum*» (1791) написал, что в «Декларации»

право человека устанавливается как абсолютная свобода, которая не только дает ему право не подвергаться давлению в связи с его религиозными взглядами, но и предоставляет свободу думать, писать и даже бесстыдно публиковать о религии все, что может представить самое необузданное воображение. ... что может быть возмутительнее, чем установление между людьми такого равенства и такой необузданной свободы, которые заглушают разум, самый драгоценный дар, данный природой человеку, и единственный, отличающий его от животных? [33]

Другим документом, оппозиционным по отношению к идее прав человека, стала энциклика «*Mirari Vos*» (1832). Здесь папа Григорий XVI осудил «отвратительную дерзость и нечестность тех, кто, снедаемый необузданной жаждой свободы, всецело посвятил себя ущемлению и уничтожению всех прав легитимной власти, поработав народ под лозунгом свободы». Папа критикует религиозный индифферентизм (представление о том, что ни одна религия не лучше другой), который, по его мнению, выступает основанием свободы совести.

Из постыдного источника индифферентизма рождается то нелепое и ошибочное положение, что свобода совести должна сохраняться для всех. Она ведет к краху дел церковных и светских, хотя некоторые повторяют снова и снова с непоколебимой наглостью, что религия извлекает из этого какую-то выгоду. [30].

Лео Штраус показывает, что противостояние католической доктрины и либеральной концепции прав человека вызвано не только историческими условиями и идейными разногласиями, а коренится в самом понимании права. Он пишет: «Оглядываясь вокруг, мы видим два враждебных лагеря, сильно укрепленных и строго охраняемых. Один занят либералами разных сортов, другой — католическими и некатолическими последователями Фомы Аквината» [20, с. 13]. Томизм основан на аристотелевской телеологии, предполагающей, что у каждого человека есть объективная, заданная свыше цель, в соответствии с которой и определяется его благо. Либеральная позиция, напротив, основывается на субъективных предпочтениях субъекта: «Если у наших принципов нет иной опоры, кроме слепых предпочтений, то все, на что человек готов будет отважиться, станет позволительным» [20, с. 10], — заключает Штраус.

Таким образом, с момента появления «Декларации о правах человека и гражданина» наиболее жестким критиком этих прав было христианство, и причина их неприятия коренилась не только в исторических условиях провозглашения «Декларации», но и особенностях понимания права. Если права в телеологическом понимании должны соотноситься с объективными стандартами, то права человека с точки зрения католицизма не являются правами в полном смысле этого слова, поскольку не соотносятся с определенной целью, а значит не имеют прочного объективного фундамента. На этом основании некоторые современные теоретики продолжают отказывать правам человека в религиозном оправдании. Так, этик А. Макинтайр называет последние

фикциями, вера в которые фактически не отличается от веры в ведьм или единорогов [13, с. 100]. Тем не менее большая часть современных философов и богословов давно уже не склонны настолько резко противопоставлять христианство правам человека.

ОТ КРИТИКИ К ПОДДЕРЖКЕ

Первым официальным документом, в котором католическая церковь поворачивается лицом к правам человека, стала энциклика «*Rerum novarum*» (1891). Вместо того чтобы противопоставить, как его предшественники, субъективные права объективным, Лев XIII выявляет теологическое содержание ряда субъективных прав. Акцент делается на социальных правах, наилучшим образом соответствующих новозаветным нормам:

...если речь идет об охране частных прав, следует особенно печься о немощных и беспомощных. Те, кто богаче, могут защитить себя, им не так нужна помощь государства. Бедным же опереться не на что, кроме государственной власти. Поэтому она должна уделять особое внимание людям, живущим своим трудом, ибо именно они — слабые и нуждающиеся [34].

Выступая против либерализма, церковь в то же время не приемлет и социализм, выдвигая собственный, христианско-демократический путь преобразований. Таким образом, она пытается занять политическую нишу, которая, с одной стороны, выражает интересы самых бесправных членов общества, а с другой — не призывает к радикальным переменам.

Эпохальным пунктом в развитии прав человека стала Вторая мировая война, после которой преимущество прав индивида перед правами общества и государства было официально зафиксировано во «Всеобщей декларации прав человека». Если до этого основные противоречия возникали на линии разлома между либерализмом и традиционализмом, то после Нюрбернского трибунала и осознания военных преступлений Третьего Рейха — между тоталитаризмом и демократией. Очевидно, что вариантов выбора стороны баррикад у католической церкви не было. Необходимость противостояния тоталитаризму сделала возможным даже ее союз с либеральным атеизмом.

В энциклике «*Pacem in terris*» (1963) папа Иоанн XXIII декларирует приверженность демократическому развитию, а «Всеобщую декларацию» признает важным «знаком времени». Здесь сказано:

По некоторым отдельным пунктам Декларации были высказаны возражения и обоснованные оговорки. Однако несомненно то, что этот документ является шагом вперед на пути к политико-правовой организации мирового сообщества [32].

В энциклике, как и в других документах католической церкви, подчеркивается, что права должны принадлежать не абстрактному юридическому индивиду, а именно личности, понятие которой имеет христианские корни. Это обращение к личности позволяет приблизить человеческие права и свободы к христианскому вероучению:

В основание любого упорядоченного и зрелого общества должен быть положен принцип, который гласит, что каждый человек — это личность, то есть

существо, одаренное разумом и свободной волей. Поэтому он обладает правами и обязанностями, которые прямо и непосредственно проистекают из самой его природы: таким образом, права и обязанности всеобщие, неприкосновенны, неотчуждаемы [32].

Эти права включают в себя право на существование и достойный образ жизни, на уважение, свободу мысли и свободу в образе жизни, на почитание Бога, экономические и политические права и т. д. Все эти права должны уравновешиваться обязанностями, в том числе признания прав других, а свобода — сопровождаться сопоставимой ответственностью. Особо подчеркивается недопустимость нарушения прав рабочих, женщин, национальных меньшинств, необходимость развития демократических структур.

Важным итогом II Ватиканского собора стала декларация «*Dignitatis Humanae*» (1965), которая обозначила поворот католической церкви к экуменизму. Здесь раскрывается взгляд церкви и на вопросы свободы совести. Церковь соглашается, что никто не может навязывать личности религиозных предпочтений [25]. Другим результатом собора стала пастырская конституция «*Gaudium et Spes*», где церковь требует защиты уже не только социальных, но гражданских прав: «Ибо гарантия прав личности является необходимым условием, чтобы граждане могли и в отдельности, и объединенно, деятельно участвовать в жизни государства и в управлении им» [28]. Таким образом, права человека как первого, так и второго поколений были объявлены соответствующими духу христианства.

Иоанн Павел II к столетию «*Rerum novarum*» обнародовал энциклику «*Centesimus annus*» (1991), где демократия объявлена единственно возможным режимом, если фундамент его — права человека: «...нужно, чтобы, перестраивая свои системы, народы подвели под демократию подлинное, прочное основание, открыто признав эти права» [23]. В пятой главе дается подробный перечень прав человека, начиная от права на жизнь с момента зачатия и заканчивая правом на воспитание детей, а также делается вывод, что важнейшим их источником и синтезом является религиозная свобода.

В XX столетии идея защиты прав человека стала неотъемлемой частью вероучения и социального учения католической церкви. В «Катехизисе Католической Церкви» права человека связываются с христианским учением о личности. Последняя понимается как фундамент и цель политики. «Уважение к человеческой личности требует уважения к правам, вытекающим из ее достоинства как творения Божия. Эти права предшествуют обществу и должны быть им признаны» [7, с. 453]. Власть, не уважающая личность, может опираться только на насилие; обязанность церкви — свидетельствовать о правах человека всем людям доброй воли. Здесь же подчеркивается равенство между людьми.

Наконец, права человека стали неотъемлемой частью фундаментальных принципов канонического права. Канон 747 ставит защиту прав человека в один ряд с требованием спасения души:

Церковь вправе всегда и везде провозглашать нравственные принципы, в том числе и относящиеся к социальному порядку, а также выносить суждение обо всех человеческих делах в той мере, в какой этого требуют основополагающие права человеческой личности или спасение душ [11, с. 310].

На схожих позициях сегодня находится и большинство протестантских деноминаций. В силу того, что протестантизм еще выше, чем другие конфессии, оценивает индивидуализм, его представители усматривают еще меньше противоречий между идеалами христианства и правами индивида. «Социальная позиция протестантских церквей России» однозначно постановляет: «Права и свободы человека должны распространяться на всех людей. Христианам следует с помощью законных средств защищать эти права» [16]. Эта позиция вполне соответствует мнениям представителей других протестантских церквей и в России, и в других странах.

Сложнее говорить о консолидированной позиции в православии. Вселенский Патриарх Варфоломей особо отмечает, что некоторые автокефальные церкви усматривают в концепции прав человека «импортированный дискурс», который может быть разрушительным для православной системы ценностей. Сам он, впрочем, считает, что эти опасения безосновательны и связаны с беспочвенным страхом перед современностью. На самом же деле, полагает Варфоломей, концепция прав человека, его свободы и разума принципиально не противоречит православной антропологии и может быть обоснована в контексте идеи солидарности [1].

Таким образом, большая часть современных христианских конфессий открыто декларирует свою приверженность правам человека, предоставляя основания для того, чтобы предполагать, что конфликт между христианским традиционализмом и либерализмом остался в прошлом.

НОВАЯ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Несмотря на поворот западного христианства к правам человека, в некоторых областях возникают разногласия по поводу их содержания, грозящие конфликтами в будущем.

С одной стороны, создается впечатление, что роли либерального государства и католической церкви поменялись местами: последняя все активнее использует либеральный дискурс, критикуя современные государства за недостаточно активную защиту прав человека. Например, в энциклике «Fratelli tutti» (2020) папа Франциск указывает, что права человека на практике оказываются декларативными. Так, несмотря на утверждения о приверженности «цивилизованного мира» правам человека, в нем повсеместно ущемляются права мигрантов, расовых и национальных меньшинств [27].

С другой стороны, не только позиция церкви, но и концепция прав человека продолжает трансформироваться. При этом логика развития последней предполагает расширение сферы свободы индивида, и многие ее проявления оказывается невозможно обосновать, оставаясь в рамках религиозного мировоззрения. Церковь согласилось с толкованием прав человека, предложенным в «Декларации прав человека и гражданина», но не с новейшими их трактовками.

В качестве примера можно упомянуть изменения, внесенные папой Франциском в «Кодекс канонического права». Титул VI книги о санкциях сменил название с «Преступлений против жизни и свободы человека» (здесь упоминаются убийство и аборт) на «Преступления против жизни, свободы и досто-

инства человека», подчеркивая, что подобного рода преступления являются не только нарушением шестой заповеди, но и покушением на неотчуждаемые права человека, коренящиеся в его достоинстве. Однако второй канон в этом титуле, посвященный аборту, — объект критики борцов за права человека.

В резолюции Европейского парламента аборт назван «правом человека» [4]. В соответствии с этим подходом ВОЗ в своих рекомендациях по совершению аборта (2022) назвала отказ от него по соображениям совести ничем не оправданным предрассудком, который «продолжает служить барьером для доступа к качественной медицинской помощи по прерыванию беременности» [22]. Католическая церковь выступила с критикой нововведений, называя, в свою очередь, отказ от аборта по соображениям совести проявлением права на свободу совести, не говоря уже о том, что аборт на любом сроке для христианства есть нарушение права на жизнь.

Таким образом, несмотря на декларируемое единство церковного права и прав человека, возникают разногласия в подходах церкви и либеральной общественности, которые сложно примирить. Если по поводу самих прав возможен консенсус, то при столкновении разных прав (таких как «право на аборт» и «право на отказ от аборта по соображениям совести») не всегда ясно, какому из них следует отдать приоритет [18].

Католическая церковь сегодня является важной социальной силой, подерживающей права человека, но в ситуации столкновения прав она защищает только те права, которые согласуются с ее представлениями о благе. В этом «межправовом» поле возможно дальнейшее обострение отношений церкви с индивидуалистической идеологией прав человека.

Другой вызов концепции прав человека исходит от традиций христианства, отличных от западноевропейских. В последнее время особенно жесткой критике она подвергается со стороны представителей русского православия.

В 2008 году РПЦ приняла нормативный документ «Основы учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека», в котором резюмируется дискуссия о различии между христианскими ценностями и светским либеральным дискурсом. Здесь говорится, что достоинство — не просто атрибут человека, а дар Божий, поэтому им нельзя распоряжаться по собственному субъективному усмотрению. Права человека (сами по себе важные и необходимые) должны быть ограничены объективными нравственными нормами и дополнены обязанностями человека перед Богом:

Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа. Права человека не могут служить поводом для нанесения непоправимого урона природному достоянию [14].

В критике концепции прав человека воспроизводятся традиционалистские тезисы, ранее высказанные католической церковью, и это демонстрирует, что породившие их противоречия не преодолены. Более того, на конфликт между традиционализмом и модернизмом накладываются цивилизационные противоречия между европоцентризмом и национально-религиозной самобытностью.

Патриарх Кирилл неоднократно крайне негативно высказывался по поводу прав человека, не ограниченных религией и не принимающих во внимание культурную идентичность народа:

В Новое время возникло убеждение, что главным фактором, определяющим жизнь человека, а значит, и общества, является сам человек. Несомненно, это ересь... Поэтому мы говорим сегодня о глобальной ереси человекопоклонничества — нового вида идолопоклонства, исторгающего Бога из человеческой жизни [10].

В 2022 году он объявил идеи достоинства и прав человека заимствованиями, не имеющими прочных оснований в отечественной культуре, и предложил отдать приоритет в «Стратегии национальной безопасности» России национальным ценностям:

Разве до этих гуманистических идей, которые возникли в контексте западно-европейского развития в достаточно позднее время, не было никаких ценностей? А вера? А любовь к Отечеству? А жертвенность, без которой вообще немислима наша история? [9].

Официальная позиция православия состоит в поддержке права человека лишь в той мере, в которой те не противоречат нравственным ценностям. Однако консервативные, авторитарно-патриархальные нормы и ценности (которые выдвигаются на передний план как национальные) уже по определению противоречат либеральной трактовке прав и свобод личности. В таком понимании критика прав человека не только и не столько высвечивает различия между религиозным и светским миропониманием, сколько маркирует (и в определенной степени расширяет) культурный разлом, проходящий через само христианство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Концепция прав человека была сформулирована в Западной Европе на базе «юридизированного» теологического мировоззрения. Базовой для этой концепции является идея достоинства личности как неопределимого сверхъестественного дара, которым в равной степени обладает любой человек как «образ и подобие» Бога. Эта трансцендентная самооценочность не зависит от пола, социального положения, религиозной принадлежности человека: даже самый отверженный человек вправе требовать признания, уважения к себе, а значит, и претендовать на базовые права с таким уважением сопряженные. Из этого понимания достоинства вытекает необходимость защиты социальных прав: частью обязанностей верующего всегда признавалась необходимость помощи голодающим, бездомным, больным.

Начало юридизации этих идей связано с развитием христианского канонического права, в котором теологические идеи приобретали законодательное оформление. В эпоху Вселенских соборов было выдвинуто требование уважать личность и воздерживаться от насилия над ней; подтверждено ее право на жизнь, в том числе с момента зачатия; указано на необходимость помощи бедным, вдовам, сиротам и т. д. Все эти положения не только провозглашались

как моральный идеал, но и были законодательно оформлены в виде церковных дисциплинарных правил — канонов. В средневековом каноническом праве были выработаны представления о естественном законе как неизменной воле Бога, в равной степени применимой к каждому человеку, а также впервые появилось определение субъективных притязаний людей на определенные блага в качестве прав.

В эпоху Реформации в результате давления протестантизма дальнейшее развитие получает важное для системы прав человека требование правовой защиты свободы совести, выраженное вначале в компромиссном принципе территориализма, а затем — веротерпимости.

В философии и правоведении Нового времени все эти идеи получили свое развернутое рациональное обоснование, в ходе которого Бог был заменен Разумом. В итоге в системе базовых нормативных актов, определяющих правовые основания общественного взаимодействия, корпус канонического права уступил место «Декларации прав человека и гражданина». Средневековое теологическое мировоззрение сменилось буржуазным юридическим.

Одним из результатов этого поворота стало изменение отношения к католической церкви, которую старались подчинить государству и гражданскому обществу. Церковь пыталась восстановить свое положение, критикуя права человека. Основой этой критики стало требование уравновесить субъективные права объективными обязанностями, без которых свобода индивида превращается в произвол.

По мере того как идеал прав человека превращался в ведущий фактор политической жизни, а церковь — в активную участницу политической жизни, христианство все чаще выступало в защиту прав человека — сначала социальных, а затем и политических. Окончательный переход большинства представителей христианства на позиции прав человека произошел после Второй мировой войны.

Однако в современном мире это единство вновь ставится под вопрос: намечаются точки разлома, чреватые конфликтами. Так, все более резкой становится критика церковью современных государств за несоблюдение социальных прав мигрантов, беженцев, женщин и т. д. По мере дальнейшей субъективизации прав у либеральной и консервативной религиозной общественности возникают несоизмеримые разногласия в их трактовке (примеры — «право на аборт» и «право на жизнь с момента зачатия»).

Особое положение в этой дискуссии занимает РПЦ, которая, с одной стороны, возвращается к ранним традиционалистским аргументам западного христианства, а с другой — помещает их в новый контекст цивилизационного конфликта Запада и Востока, где первый навязывает миру свои идеи в качестве универсальных, а второй — отстаивает национальную самобытность. Такая позиция противопоставляет европоцентризму прав человека национальные ценности (что, несомненно, имеет под собой основания), но ценности эти трактуются как сугубо консервативные (что является спорным вопросом, дискуссии о котором идут со времен западников и славянофилов).

Таким образом, можно говорить о том, что сегодня набирает силу вторая волна критики концепции прав человека. Хотя они в классическом своем виде

признаются (иногда с оговорками) всеми христианскими конфессиями, критике подвергается избирательность в их реализации; дальнейшее сведение этих прав к субъективным желаниям; абстрактность, не принимающая во внимание культурное и национальное своеобразие.

Церковь — важный участник дискуссии по поводу прав человека, ставящий перед обществом много сложных вопросов. Нужно принять во внимание их правовые, теологические, исторические основания, чтобы критично, без декларативности и пафоса, взглянуть на проблемы, связанные с правами человека, и найти для них адекватные решения, не раскалывающие общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломей, Патриарх Вселенский. Православие и права человека // Политическое богословие. — М.: ББИ, 2019. — С. 127–140.
2. Всеобщая декларация прав человека. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения 29.01.23).
3. Дородонова Н. В., Чилькина К. В. Взгляд Римской католической церкви на права человека: эволюция и современное значение // Вестник СГЮА. — 2021. — № 5 (142). — С. 29–43.
4. Европарламент объявил абортс правом человека. — URL: <http://рускатолик.рф/pravo-na-abort/> (дата обращения 29.01.23).
5. Калинин С. А. Идея прав человека в православном понимании // Право. Журнал ВШЭ. — 2012. — № 1. — С. 164–181.
6. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Сочинения в 6 т. — Т. 6. — М.: Мысль, 1966. — С. 26–35.
7. Катехизис Католической Церкви. — М.: Духовная библиотека, 2001. — 814 с.
8. Кипарисов В. Ф. Дисциплина древней Церкви в отношении к свободе совести // Прибавления к Творениям св. Отцов. — 1884. — Ч. 33. — С. 383–482.
9. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Заключительное слово на пленарном заседании XXIV Всемирного русского народного собора. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5971278.html> (дата обращения 29.01.23).
10. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Слово в праздник Торжества Православия после Литургии в Храме Христа Спасителя. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4410951.html> (дата обращения 29.01.23).
11. Кодекс канонического права. — М.: Институт св. Фомы, 2007. — 624 с.
12. Кондратьева А. Н. Личность и ее права по каноническому праву средневековой Западной Европы // Гуманитарные и политико-правовые исследования. — 2022. — № 1 (16). — С. 36–47.
13. Макинтайр А. После добродетели. — М.: Академический Проект, 2000. — 384 с.
14. Основы социальной концепции РПЦ. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения 29.01.23)
15. Основы учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616> (дата обращения 29.01.23).
16. Социальная позиция протестантских церквей России. — URL: <https://www.protestant.ru/read/article/62629> (дата обращения 29.01.23).
17. Сычев А. А. Эволюция представлений о достоинстве в истории этической мысли // Вестник РУДН. Серия: Философия. — 2017. — Т. 21. № 3. — С. 305–313.

18. Фофанова А. Р. Проблема абортa и политический процесс в США // Россия и Америка в XXI веке. — 2019. — № 4. — С. 1–9.
19. Штекль К. Подход РПЦ к вопросу прав человека // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2014. — № 3 (32). — С. 146–165.
20. Штраус Л. Естественное право и история. — М.: Водолей, 2007. — 312 с.
21. Энгельс Ф. Юридический социализм // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М., 1961. — Т. 21. — С. 495–516.
22. Abortion care guideline. — URL: <https://srhr.org/abortioncare/> (дата обращения 29.01.23).
23. Centesimus annus. — URL: http://ccconline.ru/centesimus_annus.pdf (дата обращения 29.01.23).
24. Christianity and Human Rights / ed. by F. M. Shepherd. — Lanham: Lexington Books, 2009. — 270 p.
25. Dignitatis Humanae. — URL: https://www.vatican.va/archive/hist_councils/ii_vatican_council/documents/vat-ii_decl_19651207_dignitatis-humanae_en.html (дата обращения 29.01.23).
26. Ecclesia in Europa. — URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/apost_exhortations/documents/hf_jp-ii_exh_20030628_ecclesia-in-europa.html (дата обращения 29.01.23).
27. Fratelli tutti. — URL: <https://idmedina.ru/pdf/content/encyclicaFratelliTutti.pdf> (дата обращения 29.01.23).
28. Gaudium et Spes. — URL: http://ccconline.ru/svc_gaudium_et_spes.pdf (дата обращения 29.01.23).
29. Kennedy E. A Cultural History of the French Revolution. — Yale: Yale University Press. 1989. — 463 p.
30. Mirari Vos. — URL: <https://www.papalencyclicals.net/Greg16/g16mirar.htm> (дата обращения 29.01.23).
31. Orthodox Christianity and human rights in Europe / E. A. Diamantopoulou and L.-L. Christians (eds.) — N. Y.: Peter Lang, 2018. — 390 p.
32. Pacem in terris. — URL: http://ccconline.ru/pacem_in_terrīs.pdf (дата обращения 29.01.23).
33. Quod aliquantum. — URL: <https://www.vatican.va/content/pius-vi/it/documents/breve-quod-aliquantum-10-marzo-1791.html> (дата обращения 29.01.23).
34. Rerum Novarum. — URL: <http://krotov.info/acts/19/1890/1891rerum.html> (дата обращения 29.01.23).
35. Winroth A. Gratian and His Book: How a Medieval Teacher Changed European Law and Religion // Oxford Journal of Law and Religion. — 2021. — No. 10. — P. 1–15.
36. Witte J. Jr. Law, Religion, and Human Rights: A Historical Protestant Perspective // The Journal of Religious Ethics. — 1998. — Vol. 26, No. 2. — P. 257–262.
37. Zuber V. L'origine protestante des droits de l'homme // L'identité huguenote. — Geneve: Droz, 2014. — P. 523–541.